

- с. 40

Жизнь по понятиям. Литературным

НАУЧНУЮ ЗАТЕЮ СЕРГЕЙ ЧУПРИНИН
ОСУЩЕСТВИЛ ЯРКО И ПРИСТРАСТНО.
КНИГА О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
СТАЛА ЕЕ СОБЫТИЕМ

УСПЕХ

Алла ЛАТЫНИНА

КОГДА В 2003 ГОДУ ВЫШЛИ ДВА ОГРОМНЫХ ТОМА СПРАВОЧНИКА СЕРГЕЯ ЧУПРИНИНА «НОВАЯ РОССИЯ — МИР ЛИТЕРАТУРЫ», ПЕРВОЙ РЕАКЦИЕЙ ПРЕССЫ БЫЛО УДИВЛЕНИЕ: НАД ТАКИМИ ПРОЕКТАМИ ГОДЫ РАБОТАЮТ ЦЕЛЫЕ НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, А ТУТ — ОДИН ЧЕЛОВЕК.

Вскоре от грандиозного издания отпочковался сокращенный и более массовый вариант. Казалось, теперь Чупринин успокоится и с признанием летописца, закончившего труд свой многолетний, вернется в литературную критику. Но не тут-то было. Пересчитав писателей, Чупринин задумал навести порядок в литературных терминах и понятиях.

Результатом оказалась книга с игровым названием «Жизнь по понятиям», которая вместе с переизданным «Большим путеводителем» и составила двухтомник «Русская литература сегодня», вышедший в издательстве «Время».

Рецензируя в свое время первое издание путеводителя и обнаружив там некоторое количество ошибок, один наивный рецензент размышлял: вот если бы с Чуприниным работала команда...

Скажу так: если бы с Чуприниным работала команда, то такого словаря не было бы вовсе. Соратники перессорились бы — благо поводов для споров предостаточно. Ну, например: уместно ли в статье о буковском лауреате Олеге Павлове приводить ехидное мнение Михаила Эдельштейна: «Павлов — человек-симулякр, вторичный от кончика носа до последней запятой», а в статье о поэтессе Вере Павловой, завоевавшей премию Аполлона Григорьева, — суждения о ней как о «поэтическом гомункулусе», продукте мощного промоушена. Не лучше ли ограничиться лишь доброжелательными отзывами критиков, благо таковых предостаточно?

А сколько споров с предполагаемыми соавторами было бы по поводу словника. Только единолично можно принять столь спорное решение: обойти вниманием известных писателей, чья «высокая репутация» сложилась в советскую эпоху, и сосредоточиться на тех, кто реализовался в последнее десятилетие. В результате в словаре нет Вознесенского, Евтушенко, Ахмадулиной, Искандера, Битова, Маканина, зато есть их коллеги, составившие имя в ту же пору, — Борис Екимов, Анатолий Ким, Вячеслав Пьещух, Эдвард Радзинский, Анатолий Курчаткин. Возникает вопрос: отсутствие в словаре — это что: почетный орден классика или ярлычок со штампом «неактуален»? Почему, например, Маканин, находящийся в последнее десятилетие в фокусе критических споров, в словаре отсутствует, а Анатолий Ким, пик успеха которого прихо-

дится отнюдь не на последнее десятилетие, — присутствует?

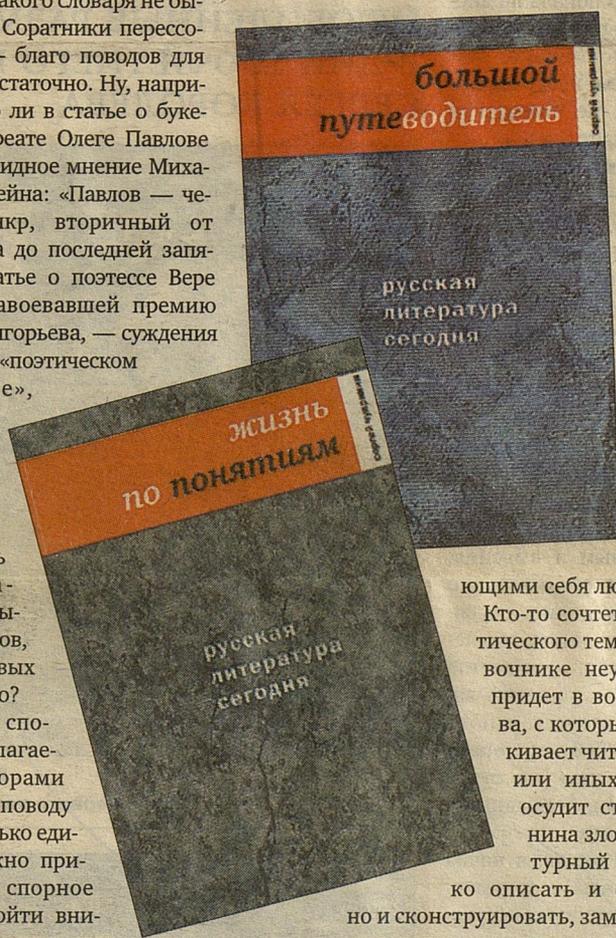
Тут вот и наступает ситуация, при которой выясняется, что в понятие «актуальность» Чупринин вкладывает явно иное содержание, чем, скажем, я, — и мы плавно переходим к сути второго тома проекта, где предпринята попытка систематизировать бытующие в литературе термины и понятия. Проблема состоит не в том, чтобы объяснить постоянно возникающие новые термины (типа «бренд в литературе», «винтажный продукт», «кроссовер», «лавбургер», «полистилистика»).

Проблема в том, что устоявшийся, казалось бы, понятийный ряд меняется на глазах, и Чупринин отслеживает эти перемены, оперируя бесчисленным количеством примеров, почерпнутых из статей литераторов самых разных взглядов и направлений. Этот срез современной критики, сделанный острым скальпелем умелого препаратора, — главное, на мой взгляд, достоинство путеводителя. Но автор — не просто систематизатор, но и активное действующее лицо того самого литературного процесса, который он хочет структурировать, — так следует ли удивляться остроте иных словарных замечаний, где две строки порой стоят обширного литературного фельетона? Так, в статье «Конфузный эффект в литературе» в качестве

примера «конфуза» фигурирует нынешний обычай «Литературной газеты» публиковать на своих страницах «похвалы в адрес романов и пьес ее главного редактора Юрия Полякова» и стремление издателя Юрия Кувалдина заполнить выпуск издаваемого им журнала «Наша улица» статьями, «воспевающими себя любимого».

Кто-то сочтет проявление критического темперамента в справочнике неуместным, кто-то придет в восторг от изящества, с которым критик подталкивает читателя к оценке тех или иных явлений. Кто-то осудит стремление Чупринина злополучный литературный процесс не только

описать и структурировать, но и сконструировать, заметив, что, скажем, суждение о несовместимости увлекательного сюжета с высоким уровнем художественности по меньшей мере спорно, похороны понятия «беллетризм» преждевременны, а постоянное использование автором придуманного им словосочетания «миддл-литература» еще не дает право вставлять его в словарь в качестве существующего «понятия»: а вдруг не приживется? Мне же нравится, что почтенная научная затея осуществляется так весело, полемично, с литературным блеском и известной степенью авантюристичности, что мы получили не занудный, хотя и полезный справочник, а увлекательную, пристрастную, спорную и яркую книгу о современной литературе, которая сама является литературным событием. ■

158